

Выявленный дагеротип из фондов Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН – образец ранней фотографии

Из всего многообразия материалов, которые хранятся в архивных собраниях, такой фотодокумент, как дагеротип, занимает особое место. В искусстве фотографии дагеротипия относится к одной из самых ранних, уникальных, технологий получения фотоизображения. Обнародованная Ж. Л. М. Дагерром в 1839 г., она продержалась менее двадцати лет и впоследствии была замещена другими, более востребованными обществом технологиями. Чрезвычайно редкие в архивных, музейных и библиотечных собраниях, сложные в хранении, дагеротипы представляют собой интереснейшее явление, которое дает нам возможности для изучения искусства фотографии не только в России, но и в Европе. Изобретение дагеротипа открыло дорогу для многих мастеров отечественной и зарубежной светописы, каждый из которых вносил свой вклад в историю распространения дагеротипии и совершенствование новой технологии.

Выявленный фотодокумент – дагеротип работы Йозефа Венингера, одного из мастеров ранней фотографии, работавшего в этой технике. Карьера Венингера началась в Европе, но позже он весьма плодотворно работал в Санкт-Петербурге. Его мастерская находилась на Большой Морской улице, в доме № 37 и была популярна. Этот дагеротип – первый, обнаруженный в собрании Научно-исторического архива СПбИИ РАН.

Абайдулова Анна Галиевна

Экземпляр книги маркиза де Вобана из библиотеки семьи Лихачевых в собрании МАЭ РАН

В структуру Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН входит отдел под названием «Музей М. В. Ломоносова». Этот музей был учрежден Президиумом АН СССР и открыт для публики в 1949 г. как мемориальный музей ученого. Многие академические учреждения, библиотеки и музеи, прежде всего ленинградские, поучаствовали в его создании, передав новому музею предметы из своих фондов. Благодаря этому собрание Музея М. В. Ломоносова очень разнообразно по составу и, конечно, включает в себя книги.

Часть книг поступила из Библиотеки АН СССР в 1947 г., когда шло активное комплектование музея. Летом этого года из Библиотеки в Музей М. В. Ломоносова было передано несколько десятков книг, в том числе издания XVIII века из дублетного фонда.

Среди них был экземпляр известного сочинения Себастьяна Ле Претра маркиза де Вобана «Книга о атаке и обороне крепостей», изданного в 1744 г. в переводе на русский язык. На этом экземпляре имеется штамп Института книги документа и письма АН СССР. Кроме того, на экземпляре есть экслибрис «Библиотека П. Ф. Лихачева», а также сохранилась владельческая запись XVIII века – «книга Ивана Рагозина». Подобные записи Н. П. Лихачев описывает в своем труде «Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки». Экслибрис и владельческая запись свидетельствуют о том, что хранящийся в собрании Музея М. В. Ломоносова МАЭ РАН экземпляр книги Вобана происходит из фамильной библиотеки родового имения Лихачевых в селе Полянки-Никольское Спасского уезда Казанской губернии.

Базарова Татьяна Анатольевна

«Постоянная» история одного из первых петербургских домов по материалам собрания Н. П. Лихачева

В коллекции Николая Петровича Лихачева (Архив СПбИИ РАН. Колл. 238) хранится семь билетов на постой в доме подьячего И. Н. Венюкова, который находился во 2-й Оружейной улице на Петербургском острове.

В петровском Петербурге, несмотря на значительные темпы строительства, помещений для жилья не хватало. Прибывавших по служебным делам служащих канцелярий и военных – солдат и

офицеров – размещали по дворам петербургских жителей. Распределением постоя занималась Полицеймейстерская канцелярия, которая учитывала пригодные для постоя дворы под особыми номерами. Офицерам и солдатам выдавался билет с указанием адреса, имени владельца двора и срока постоя. Документ после отъезда постояльцев надлежало вернуть в Полицеймейстерскую канцелярию. На билетах дома И. Н. Венюкова стояли номера «274» (на одном – «272»). Самый ранний из сохранившихся билетов был выдан 3 февраля 1723 г., а последний – 19 марта 1728 г.

В доме Венюкова, в котором было четыре жилых покоя, вместе с подьячим проживали члены его семьи – дед, мать и жена. Норма постоя рассчитывалась исходя из числа покоев в доме – по два человека на одно жилое помещение. В одном из билетов указывалось, что с 1719 по август 1724 г. у И. Н. Венюкова было четыре постоя продолжительностью 44 месяца, а у других дворовладельцев на три месяца больше. Поэтому к нему направили на постоя не шесть, а восемь человек.

Анализ содержания билетов на постоя дает новые факты для изучения повседневной истории раннего Петербурга.

Басов Иван Михайлович

Проскурякова Мария Евгеньевна

Царские и патриаршие жалованные грамоты XVII в. на мировых аукционах (1970–2020-е гг.)

Доклад посвящен царским и патриаршим жалованным грамотам XVII века, которые в 1970–2020-х гг. выставлялись на продажу на крупнейших мировых и российских аукционах. В ходе исследования печатных и электронных каталогов за указанные годы было выявлено семнадцать памятников: пятнадцать царских и две патриаршие грамоты. Самый ранний из актов датируется 1613 г., а самый поздний – 1699 г. Все документы без исключения были выданы светским лицам на право владения землей (держание земельного участка) и привилегии. Происходя из частных коллекций, ни один из актов до настоящего исследования не был введен в научный оборот, а царские грамоты оказались не учтены в опубликованном перечне документов этого типа за XVII век. Данный факт не вызывает удивления, так как аукционные каталоги остаются для историков маловостребованным источником пополнения исследовательских данных. В то же время каталоги служат уникальным источником сведений о наиболее ценных исторических артефактах, провенанс которых связан с собраниями дворянских семей и личными коллекциями. Поэтому распространяемая до начала публичных торгов информация о лотах дает почти уникальную возможность доступа к сведениям, которые в противном случае оказались бы закрыты для исследователей. Между тем на современном этапе источниковедения наиболее актуальной задачей предстает реконструкция документальных комплексов, которые включают в себя памятники одного типа, общего происхождения и предназначения, а также объединенные историей бытования. В связи с этим большой научный интерес представляют научное описание и публикация царских и патриарших жалованных грамот. Выявленные памятники в каталогах были описаны и сопоставлены с комплексом аналогичных документов из собрания Архива Санкт-Петербургского института истории, в том числе с грамотами из коллекции Н. П. Лихачева. Исследование продемонстрировало некую общность выборки грамот, продававшихся на публичных торгах в конце XX – начале XXI века, с актами, вошедшими в коллекцию Н. П. Лихачева. Грамоты репрезентативны по критериям особенности художественного оформления и знаков аутентификации, а также распределения по хронологии и географии пожалований.

Башнин Никита Викторович

«Денга» преп. Кирилла Белозерского. Описание личных вещей основателей монастырей в документах XVII – начала XVIII в.

В XVI в. сложилась традиция описания монастырского имущества. В XVII в. описи строений и имущества монастырей составляли при передаче монастырей от одного игумена к другому, существовал относительно устойчивый формуляр документа. Однако составители описаний вносили в него дополнительные сведения и уточнения, например, это были указания на личную принадлежность той или иной вещи основателю монастыря. Вопрос об их действительной принадлежности тому или иному святому является дискуссионным.

Обратимся к описям Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. В описи 1601 г. отмечены вещи Кирилла Белозерского, в комментариях М. Н. Шаромазов указал на хранение в КБИАХМЗ кожаного пояса с калитою. В калите три отделения, прикрытые внешним клапаном, два отделения закрыты внутренним клапаном. В описях 1601, 1615, 1621, 1635, 1668 гг. не упоминается, что находилось в этой калите. Однако находка документа 1722 г. позволяет предположить, что там хранилась монета. Согласно письму архимандрита Иринарха, была составлена опись книг кирилловской библиотеки. Документ отослали к Петру I на Марциальные воды, а в сопроводительном письме был вложен листок с надписью "Копии з денги, которая осталась после преподобного Кирила Белозерского чудотворца" и точными рисунками монеты. П. Г. Гайдуков отождествил это изображение с денгой великого князя Василия Васильевича Темного чеканки конца 1420-х – 1430-х годов (Изображение см.: Орешников А. В. Русские монеты до 1547 г. М., 1896. С. 102. № 541, 542. Табл. IX, 391, 392). Кирилл Белозерский скончался в 1427 г., таким образом эта монета действительно могла ему принадлежать.

Вознесенская Ирина Александровна

Коллекция оттисков печатей Андрея Болотова из собрания БАН

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) – писатель-мемуарист, философ, ученый, один из основателей агрономии родился в имении Дворяниново Тульской губернии. Получил домашнее образование, не считая нескольких месяцев петербургского пансиона. Служил в Кенигсберге, где в свободное от службы время посвящал образованию, слушал лекции университетских профессоров Кенигсбергского университета, в частности, философа Х. Крузиуса. В 1762 г. ушел в отставку и поселился в Дворяниново. Он занимался сельским хозяйством, был членом Вольного экономического общества, издавал журнал «Сельский житель», сотрудничал с «Московскими ведомостями». Знаменитым его сделали записки, которые он писал около 30 лет: «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков».

Собрание А. Т. Болотова поступило в БАН из Иваново-Вознесенского губернского (областного) музея в 1932 г. Музей был открыт в 1914 г. промышленником и меценатом Д. Г. Бурылиным, В основе собрания «древностей и редкостей» Д. Г. Бурылина была коллекция старопечатных книг и старинных монет, собранная его дедом Диодором Андреевичем Бурылиным.

Собрание рукописей А. Т. Болотова насчитывает 54 единицы хранения. Оно состоит из писем и рукописей сочинений Болотова. Среди этого материала выделяется один альбом, в который наклеены сургучные оттиски различных печатей (всего 39 штук), большая часть из которых пронумерована и подписана самим Болотовым. На обороте переплетного листа альбома написано: «№ 1257 / Из библиотеки Андрея Болотова». Под этой записью другими чернилами оставил автограф Дмитрий Геннадьевич Бурылин.

Часть сохранившихся оттисков представляет собой печати различных учреждений, значительная часть оттисков – личные печати. Особый интерес представляют печати, которые использовались для запечатывания писем. Формы, сюжеты изображений и девизы печатей разнообразны.

Джисоева Анна Рослановна

Карта Черного моря 1699 г. Рукописного отдела БАН. Коммеморативный аспект

В Рукописном отделе БАН хранится карта Черного моря, составленная на борту корабля «Крепость», который доставил русскую миссию во главе с думным дьяком Е. И. Украинцевым в Константинополь. Топонимы карты были подписаны дьяками посольского приказа. Ориентиром для рисунка Черного моря, очевидно, послужил образец турецкой карты, который, судя по упоминанию в Статейном списке Украинцева, турки имели при себе, когда у берегов Кафы показывали русским, ссылаясь на такую же, «какова у тебя... государя», карту, что глубины пролива не позволят пройти «Крепости». Но капитан фон Памбурх рискнул быстро пройти и пролив, и море. На карте, кроме замеров в акватории, начертан роскошно оформленный герб России – двуглавый орел с изображением в щите на его груди всадника, протыкающего копьем змея, что, вероятно, было работой одного из голландских штурманов корабля. Картуш с гербом в сочетании с аллегорическими фигурами Марса и Минервы, очевидно, был репрезентацией новой окрепшей царской власти. Картуш составлялся с расчетом, что карта ориентирована на север, но все подписи сделаны с ориентацией на юг.

Подписи эти совпадали со смыслом изображений картуша, когда обозначали русскими названиями недавно завоеванные турецкие крепости Азак и Сеид-Ислам и только что заложенные Павловск и Миус. Однако топонимы западного берега Черного моря свидетельствовали о долгой памяти славянского мира о турецком присутствии на Балканах и в Северном Причерноморье. На карте исконные топонимы бывших греческих полисов и славянских городов, имевших и турецкие названия, являли собой память о том, кому эти земли прежде принадлежали. Невольно таким образом сохранялась и память о жестоких битвах с завоевателями. Города Варна, Бреславль, Чигирин, Хотин, Каменец-Подольский напоминали также об отчаянной борьбе против турок в XVII в. Этот посыл коммеморативной топонимики карты отвечал повышенному вниманию русской общественной мысли к теме турецкой агрессии в регионе и борьбы с ней.

Дуткинский Николай Евгеньевич

Колосов Иван Александрович

Марков Дмитрий Борисович

Тмутараканская нумизматика. Проблема продолжительности подражательной чеканки в свете археологических находок XXI в.

На Таманском полуострове во множестве находят специфические монеты, определяемые как подражания милиарисиям Василия II и Константина VIII (976–1025). Н. П. Лихачёв указывал, что они встречаются в большем количестве, чем монеты других правлений. Это послужило одним из факторов того, что они явились прототипом таманских подражаний (ТП) – *основного* денежного средства Тмутаракани (рис. 1). На сегодня таковых зарегистрировано 3070 экз.

Рис. 1. Ранние подражания — СЗ-3 и монета «со стоящей фигурой» 11.7.1.
Раевско-Гай-Кодзоровский клад 1995 г.

Приоритет в определении времени возможного начала местной чеканки – 976–988 гг. – принадлежит первому исследователю ТП К. В. Голенко, мы же сужаем его до 979–980 гг. В вопросе же окончания эмиссии многие исследователи придерживались мнения, что она продолжалась даже во второй половине XI в., и первыми, проложившими путь к пониманию этой проблемы, в 2001 г. были Л. И. Резник и Д. Б. Марков, определившие её границу ок. 1020 г. Сегодня их точка зрения находит своё подтверждение. Они проанализировали выпуск ТП в контексте общеевропейских процессов конца X – начала XI в., обращая внимание на явления, могущие, в силу подобия, способствовать уточнению датировки последних. К таковым следует отнести древнерусскую (Киев, Новгород), а также скандинавскую чеканки.

Нам следует опираться на то, что именная чеканка Мстислава началась перед битвой при Листвене, знаменуя окончание подражательной. Об этом же говорит и крайняя редкость находок ТП на территории, окняженной им после 1024 г. Черниговской области. Важно и наличие *позднего* подражания Е9-2 (в качестве весовой гирьки?) в Денисовском I кладе (t.p.q. 1019). Примечательна и недавняя находка на мысе Бугаз таманского подражания денарию Пилгрима (1027–1036). Оно выполнено в технике поздних ТП и должно по времени недалеко отстоять от их производства (рис. 2).

Рис. 2. Подражание денарию и ТП G7-17

Ранние ТП, совместно с монетами «со стоящей фигурой», также явно относящимися к первым выпускам, были случайно найдены в 1995 г. в Раевско-Гай-Кодзоровском кладе (вместе с солидами Иоанна I (969–976)) и, в марте 2025 г., как заявлено, – в составе кошелька в окрестностях ст. Натухаевской.

В последние десятилетия появились и *археологические* совместные находки ранних и поздних ТП, иногда также с монетами «со стоящей фигурой», что снова должно свидетельствовать в пользу компактности нашей чеканки. Это раскопки на г. Зеленской, поселении Виноградный-7 (также был найден «сребреник» Владимира II типа), Таманском городище, поселении Вышестеблиевская-16а, объектах «Соленый-2; Соленый-3 и Балка Хреева-1.

Все эти факты свидетельствуют об окончании чеканки ТП не позднее 20-х гг. XI в. Никакого нумизматического (и иного) материала, который говорил бы в пользу дальнейшего их выпуска не выявлено, и указания на подобную возможность являются неосновательными, тем более нумизматически некорректно было бы разносить временные периоды выпуска и обращения наших монет.

Иванникова Анна Петровна

О двух русских иконах XIX века из коллекции Н. П. Лихачёва в фондах Эрмитажа

В научных публикациях хорошо известны те части коллекции Н. П. Лихачёва, которые были переданы из Русского музея в Эрмитаж в 1920–1930-е годы: это работы итальянских мастеров, византийские и итало-греческие иконы, пополнившие фонды Отделов западноевропейского искусства и Востока. Однако до сих пор малоизученными являются собрания бывшего Музейного фонда и Историко-бытового отдела, которые легли в основу Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, созданного в 1941 году. В процессе исследования коллекции поздней русской иконописи были выявлены две иконы XIX века «Пророк Иоанн Предтеча» и «Спас Мокрая Брада», принятые на постоянное хранение в 1959 году из несистематизированного материала, ранее находившегося в Ленинградском отделении Государственного музейного фонда.

Оба произведения зафиксированы в описи предметов, переданных в 1913 году в Русский музей, и относятся к VI и VII отделам коллекции русских икон Николая Петровича Лихачева. Икона «Спас Мокрая Брада», входившая в VII отдел (плохие и фрагменты), представляет подделку XIX века, воспроизводящую древний оригинал XV–XVI столетий (икона была опубликована в монументальном труде Н. П. Лихачева «Материалы для истории русского иконописания», вышедшем в свет в 1906 году). В это время имитацией древней живописи и ее подделками в основном занимались в селе Мстёра Богоявленской слободы Владимирской губернии, а также старообрядцы-старинники Москвы, в основном относящиеся к беспоповским соглашениям. На образе «Пророк Иоанн Предтеча» сохранилась надпись, выполненная собственноручно Н. П. Лихачевым и демонстрирующая его как мастера знаточеской атрибуции: «Прекрасная копия 1820-х годов сделанная Преображенцами въ Москвѣ». Примечательно, что коллекционер, прекрасно разбиравшийся в различных иконописных «письмах» и «пошибах», смог датировать икону до десятилетия, осознавая, что ориентиром для мастера послужил ранний образец строгановского письма.

**Элементы Россики в документах папской нунциатуры в Испании
из коллекции Н. П. Лихачёва**

Входящая корреспонденция Галеаццо Марескотти (1627–1726), папского нунция в Испании в 1670–1675 гг., чей рабочий архив содержится в коллекции Н. П. Лихачёва, не содержит документов российского происхождения. Тем не менее, в ходе работы по составлению описания, были выявлены несколько писем, имеющих косвенное отношение к истории России. Три из них находятся в подборке переписки с папскими нунциями в Польше. Интерес Марескотти, титулярного архиепископа Коринфа был вызван не только сугубо политическими, но и личными соображениями, поскольку восточно-европейская страна была с 10 марта 1668 г. по 13 августа 1670 г. местом его служения в качестве посланца римского первосвященника. На время именно его нунциатуры пришёлся тяжёлый политический кризис, вызванный отречением короля Яна II Казимира (16 сентября 1668 г.), бескоролевьем, выборным сеймом лета 1669 г. и трудным восшествием на престол Михаила Вишневецкого, которого многие современники считали ответственным за провальное ведение войны против Османской империи в 1672 г. Автором двух из них был Анджело Рануцци (1626–1689), титулярный архиепископ Дамиаты, апостолический нунций в Польше с 13 мая 1671 г. по 20 июля 1673 г., одного – Франческо Нерли (1636–1708), архиепископ Флоренции, апостолический нунций в Польше с 27 июня по 22 декабря 1670 г. Четвёртое письмо находится в бумагах, присланных государственным секретарём Святого Престола. Оно подписано кардиналом Палуццо Альтиери (1623–1698), кардиналом-племянником Климента X, камерарием Римско-Католической церкви в 1670–1698 гг. В письмах один раз упоминается потенциально угрожающий Польше «московит», под которым может подразумеваться царь Алексей Михайлович, один раз «казаки» и два раза город Леополис (Львов). Наконец, в письме Альтиери говорится о некоем «доверенном лице из Московии», передавшем кардиналу важную информацию, которой тот делится с адресатом. Документы из собрания Марескотти не вносят существенных корректив в наши знания о российской истории последней трети XVII в., но являются подтверждением внимания Святого Престола к России, как к действующей силе на Востоке Европы.

Купранис Алексей Анатольевич

Генезис весовых норм Аббасидского и Фатимидского халифатов

Автор рассматривает ряд метрологических артефактов, относящихся к эпохам Аббасидов и Фатимидов.

Официальные гири халифов Аббасидов, захвативших к 750 г. власть в Халифате, по внешнему виду ничем не отличаются от гирь предыдущей династии: это по-прежнему стеклянные гири с оттисками штемпелей, содержащих имена халифов или высокопоставленных чиновников. Хорошо сохранившиеся гири свидетельствуют о том, что весовая норма Аббасидского ратля находится в пределах 380–395 г. Письменные источники свидетельствуют о существовании багдадских ратлей в 128, 128 4/7 и 130 дирхамов, что, вероятно, может служить объяснением столь большого разброса веса официальных Аббасидских гирь.

Фатимиды, к 909 г. сменившие Аббасидов на большей части территории Халифата, изготавливали крупные номиналы гирь в виде свинцовых пластин, утверждённых оттисками официальных штемпелей. В 1959 году интереснейшую серию таких свинцовых гирь опубликовал Поль Балог: 15 свинцовых гирь, охватывающих период около шестидесяти лет, утверждены штемпелями с именами халифов от Низара бин аль-Му'изза (975–996) до Аль-Мансура бин аль-Муста'ли аль-Амира (1101–1130). Анализ веса гирь позволяет предположить весовую норму фатимидского ратля около 430–435 г.

Мажуга Владимир Иванович

Аллегория юриспруденции в юридической рукописи XIV в.

Болонский кодекс 1370 г. с комментарием Бартоло да Сассоферрато к «Digestum novum», хранящийся в Архиве СПБНИИ РАН, содержит множество рисунков наряду с большим числом словесных

гloss. Как и многие словесные glossы, они не просто иллюстрируют содержание текста, но часто выделяют определенные структурные блоки в комментарии Бартоло, и они сами образуют ряд тематических циклов. В докладе представлен один такой тематический цикл, состоящий из 15 изображений женских полуфигур и полных фигур. Эти изображения встречаются только на тех листах рукописи, которые переписал Карло ди Баччакомари, один из пяти ее переписчиков, причем восемь изображений составляют часть единой композиции либо с виноградной лозой, либо с тщательной проработанной орнаментальной гирляндой, характерной для манеры этого рисовальщика и только у него встречающейся.

Изображения женских фигур представляют самые разные психологические состояния, причем использован тот типаж и обозначены те возрастные черты, для которых определенные состояния наиболее характерны. Анализ текста Бартоло, к которому изображения относятся, позволяет истолковать женские фигуры как аллeгорию Юриспруденции, подобную аллeгориям свободных искусств. Три изображения относятся к тем местам в тексте Бартоло, где речь идет непосредственно о соотношении различных отраслей ученого права, об авторитете определенных правовых текстов, о филологической критике текстов римского права. Решительное большинство изображений, однако, относятся к тем местам в комментарии Бартоло, где идет речь об ограничении претензий к ответчику и о процессуальных гарантиях для него. Причем наиболее выразительные и эмоционально наполненные рисунки мы встречаем там, где Бартоло находит наиболее действенные формы правовой помощи ответчику или проигравшему судебный спор. Особую подгруппу в ряду примеров, выражающих идею судебной защиты, составляют примеры, где дело касается формальной стороны и технических деталей процессуальной поддержки, оказываемой участнику судебного спора. В иных женских обликах, горделивых и неприступных, выступает аллeгория Юриспруденции у Карло ди Баччакомари там, где Бартоло комментирует суждения римских юристов о преступлениях и злом умысле, при этом сам предельно утрирует виды преступлений.

Меркулова Татьяна Николаевна

Комплекс фамильных фотографий, поступивший от потомков владельцев имения Сушнево в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника

В собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника находится полный комплект фотографий имения Сушнево Владимирской губернии, прекрасно обустроенного под сезонное пребывание в нем многочисленной семьи Карповых. Это был образец скромной барской усадьбы, планировочная структура которой характерна для второй половины XIX в. Панорамные снимки различных строений и окрестностей передают красоту окружающей природы, так привлекавшую когда-то многих известных деятелей отечественной науки и искусства, посещавших гостеприимный дом. В то же время становится понятен размер ущерба, нанесенного этому памятнику материальной культуры за последнее столетие. На снимках запечатлена разрушенная в 1930 г. церковь во имя Боголюбской Богоматери, деревянный главный усадебный дом в стиле классицизма, полностью утраченный во время пожара 1935 года.

Снимки были заказаны владимирскому фотографу Д. Д. Нестеровскому уже после смерти главы семейства, известного историка Геннадия Федоровича Карпова. На двух фотографиях Анна Тимофеевна Карпова (урожденная Морозова) изображена в окружении детей, среди которых присутствует и молодая Наталья с годовалым сыном Сергеем Лихачёвым. От правнучки Карповых Веры Анатольевны Заклинской в музей были переданы фотографии из семейного архива, на которых запечатлены некоторые близкие родственники и дети дочери Алевтины, рожденные в браке с Н. В. Ненароковым. Предками Ненароковых по материнской линии являлись представители известных фамилий Акинфовых, Грибоедовых, Крузенштернов, которые владели старинным селом Завалино, расположенного недалеко от Сушнева.

Все семейные реликвии оказались в музее волею случая. Для нашего собрания одинаковую ценность представляют книжные знаки Г. Ф. Карпова и Н. П. Лихачова, сохраненные коллекционером, натюрморт нидерландского художника Я. Д. де Хема 1674 г., украшавший когда-то гостиную усадебного дома в Сушневе. Данью памяти научным интересам Николая Петровича Лихачёва являются книжные

памятники XVII в. с личными подписями из библиотеки Лихачёва Алексея Тимофеевича, известного государственного деятеля при дворе Алексея Михайловича и его сына Фёдора.

Миронова Елена Валерьевна

Письма Н. П. Лихачева к Б. В. Никольскому по вопросу комплектования фондов Императорской публичной библиотеки

Источником исследования стали письма Н. П. Лихачева к Б. В. Никольскому. Оба ученых жили и работали в Санкт-Петербурге, имели общие интересы – изучение и коллекционирование редких печатных книг и рукописей. В период переписки Н. П. Лихачев занимал должность помощника директора Императорской публичной библиотеки и активно занимался комплектованием ее фондов. В связи с чем обратился за помощью к своему другу и соратнику, библиофилу Б. В. Никольскому. Борис Владимирович в это время давал уроки сыновьям великого князя Константина Константиновича, работал в Комиссии по народному образованию, читал лекции в Юрьевском университете. Интересен повод, положивший начало переписке. Из содержания писем следует, что Лихачев консультировался с Никольским при личных встречах, а также по телефону. Однако из-за болезни детей Николай Петрович оказался на карантине, а телефонный аппарат – в комнате, где находились заболевшие. В результате Лихачев был лишен привычных способов общения. В завязавшейся переписке ученый поднимал, главным образом, вопросы заказа книг из-за границы и возможность содействия Никольского для снижения стоимости посылок. Кроме того, из корреспонденции мы узнаем, с какими отечественными книгопродавцами и зарубежными поставщиками сотрудничал Лихачев. Несмотря на небольшой объем анализируемых источников – всего семь писем общим объемом в 15 листов, хронологически охватывающих период с 1908 по 1916 гг., – они дают возможность охарактеризовать взаимоотношения двух столичных ученых, которых связывали не только профессиональные, но и схожие политические взгляды. Данная переписка может служить примером коммуникативных связей в научной среде начала XX в.

Моисеенко Никита Сергеевич

Клейма на средневековых восточно-прибалтийских слитках

Н. П. Лихачёв в своём труде «Материалы для истории византийской и русской сфрагистики», разбирая особенности начертания родовых и владельческих знаков на древнерусских, византийских, золотоордынских монетах, печатях, пломбах и других вещественных памятниках, показывал как «несомненное сходство в очертаниях знаков», источником которого могли служить общие исторические корни, так и предостерегал о возможных случайных сходствах и совпадениях. Его подход в полной мере применим к изучению клейм на серебряных платёжных слитках, бытовавших в XIII–XV вв. в Восточной Прибалтике.

Первые слитки с прибалтийскими клеймами были обнаружены в 1851 г. в кладе на окраине Риги. Но если ещё с конца XVIII в. у отечественных учёных наблюдался устойчивый интерес к вариантам контрмаркировки новгородских слитков и их фракций, регулярно осуществлялись попытки соотнести клейма с различными русскими княжествами и даже с конкретными правителями, то слитки с прибалтийскими надчеканками практически не исследовались. В научной и специализированной литературе посвящённые им работы появились всего около десяти лет назад, и количество учтённых в них клейм невелико. За последние годы было выявлено около 40 различных видов восточно-прибалтийских контрсигнатов и возникла необходимость в их классификации и периодизации.

Весь известный на текущий момент массив восточно-прибалтийских клейм можно разделить на несколько групп: солярные знаки (5-, 6- и 8-конечные звёзды, солнце с разным числом лучей), символы флоры (листья аканта, дуба?, 3-, 5-, 6- и 8-лепестковые цветки и розетки), христианские элементы (кресты), антропоморфные изображения (головы и бюсты), символы правительственной власти (трёхзубцовые короны, бургундская лилия), эмблемы городов (например, символ Риги), буквы алфавита

(вероятно, также связанные с территориальными образованиями, входившими в состав Великого княжества Литовского, Ливонского и Тевтонского орденов – G, K, M, N и R), а также знаки, которые пока не удалось однозначно идентифицировать.

Наумов Олег Николаевич

Библиотека Н. П. Лихачева. Опыт реконструкции по эпистолярным источникам

Изучение истории формирования и состава книжного собрания Н. П. Лихачева представляет собой источниковедчески сложную задачу. Немаловажное значение при этом имеют эпистолярные источники, в которых содержится обширная информация о поступлении книг. Особую ценность в данном отношении представляют письма, прежде всего – адресованные антикварам и букинистам – П. Л. Байкову, П. П. Шабанову, М. Я. Параделову. Они позволяют выяснить не только библиофильские предпочтения Н. П. Лихачева, но и конкретный состав изданий, а также то, каким образом и когда изменялась тематика приобретаемого. В частности, из писем раннего периода становится очевидным, что в контексте неоднократно анонсированного интереса к печатной продукции XVIII в. ученого прежде всего привлекали публикации источников, а также труды по истории и генеалогии дворянства. На рубеже XIX–XX в. приоритетное место среди библиофильских покупок заняли книги по древнерусскому искусству. При изучении писем Н. П. Лихачева к букинистам часто возникает проблема идентификации заказанного, поскольку продавцам сообщались только номера каталогов и книг, а не их полные названия. Таковы были требования книготорговцев (например, П. П. Шибанова). Комплексный анализ эпистолярных источников и каталогов книжных магазинов позволил достоверно уточнить состав библиотеки Н. П. Лихачева.

Ошарина Ольга Владимировна

Позднеегипетский погребальный портрет в контексте раннехристианской иконографии

В 1930 году в Эрмитаж из ГРМ (бывшее собрание Н. П. Лихачева) поступила деревянная панель, на желтом фоне которой было представлено погрудное изображение молодого мужчины анфас (ДВ 8684). Живописный язык памятника отличается строгостью и лаконичностью форм, краски ложатся прямо по деревянной основе, без дополнительной грунтовки. Основной акцент образа проявляется в пристально смотрящих, широко раскрытых глазах юноши. Внешняя форма как будто представляет созерцание внутренней. Портреты подобного типа немногочисленны. Несколько образцов хранятся в известных собраниях мира, например, в музее скульптуры и византийского искусства в Берлине. По мнению отдельных исследователей, эти расписные панели, иногда в виде парных изображений мужчины и женщины, служили украшением кессонированных потолков или отдельных предметов мебели. Однако еще в первой четверти XX века А. П. Смирновым было высказано убедительное предположение о том, что эти изображения на досках являлись погребальными портретами, подобно, представленным на пальмирских надгробиях или на стелах из Ком Абу Биллу. Ранее такого рода памятники подробно не изучались, равно как их место в соответствующем контексте раннехристианского искусства Египта.

Включенные в медальоны или рамки образы представляют собой один из вариантов портретов-тондо, изображения которых получили необычайно широкое распространение в Египте. Идея портретного тондо зародилась еще в IV в. до н. э., и служила символом защиты, возвышения и обретения бессмертия. В римское время образы *imago chryseata* подразделяются на два типа – триумфальные и погребальные, последние часто встречаются на позднеантичных саркофагах и стелах. На крышке мраморного саркофага III века н.э. высечен портрет умершего в форме тондо. Колонна на передней стенке, несомненно, носившая триумфальный характер, героизировала усопшего и приобщала к бессмертию. В погребении «Трех братьев» из Пальмиры стены усыпальницы украшены колоннами, между которыми изображены портреты умерших в медальонах.

Широкое распространение на пурпурных тканях в период с IV по VI в. получают бюсты в медальонах, с одинаковыми прическами и подчеркнuto сходными, схематично выполненными чертами лица. Вероятно, это тканые погребальные портреты. Сходные изображения трех медальонов на желтом фоне с красной полосой вытканы на верхнем ярусе эрмитажной завесы V века (ДВ 11660) с изображением колонны и деревьев.

Композиция усыпальницы «Трех братьев» и завесы из собрания Эрмитажа имеет для нас самое существенное значение в связи с попыткой реконструкции некоего пространства (часовни), частью которого, вероятно, являлся эрмитажный погребальный портрет.

Самарин Александр Юрьевич

**Н. П. Лихачев – сотрудник журнала «Библиограф» Н. М. Лисовского
(по материалам переписки)**

Петербургский журнал «Библиограф» Н. М. Лисовского позиционировал себя как издание не только библиографического, но и исторического профиля. В нем принимали участие многие видные историки (С. Ф. Платонов, Е. Ф. Шмурло и др.). Н.П. Лихачев, переселившись в Санкт-Петербург, также вошел в контакт с Н. М. Лисовским и предоставил для публикации ряд своих материалов. В сохранившейся переписке обсуждались условия сотрудничества, детали подготовки отдельных публикаций, корректорские замечания и др. Представляет интерес продвижение Н. П. Лихачевым антикритики по поводу своей книги «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве», а также его настойчивое внимание к получению отдельных оттисков своих статей.

Сафронова Виктория Игоревна

Борис Сергеевич Лихачев. Театр.

Борис Сергеевич Лихачев (1901–1934) известен в первую очередь как один из первых историков отечественного кино, автор монографии «История кино в России». Первая часть работы, посвященная русскому кино 1896–1913 гг., опубликована издательством «Academia». Вторая, охватывающая 1914–1917 гг., полностью подготовленная к печати, так и не увидела свет. Источниковедческая база исследования Лихачева – обширная коллекция материалов по истории кино, собираемая им с юношеских лет. Коллекция Лихачева (фотографии, афиши, печатные издания, картотека, воспоминания кинематографистов и пр.) стала основной частью собрания кинокабинета ГИИИ, организованного в том же 1927 г. и возглавляемого Лихачевым. Театровед А. А. Гвоздев в предисловии к первому тому писал о книге Лихачева так: «Она ставит изучение кино в России на твердую почву, указывая пути дальнейшего исследования <...>». В этом же предисловии Гвоздев отмечает одну из особенностей работы Лихачева – прослеживание связи раннего русского кино и театра, эволюции актера в кино.

До зачисления в штат Театрального отдела ГИИИ Б. С. Лихачев несколько лет активно работал в театре в качестве актера, режиссера и драматурга. Первый театральный опыт – участие в домашних спектаклях и постановках живых картин, например, в родовом имении в Полянках.

В 1918–1919 гг. Лихачев обучался в Школе русской драмы при бывшем Александринском театре (студия Р. Б. Аполлонского), после окончания которой непродолжительное время входил во второй состав труппы Александринского театра. Он исполнял главные роли в постановках драматического коллектива «Новорас» под руководством А. И. Нежданова. Социальное и материальное положение семьи Лихачевых в послереволюционный период резко изменилось. После смерти в 1921 году С. П. Лихачева, Борис остался единственным кормильцем многочисленной семьи. С 1921 по 1922 гг. он возглавлял труппу ДК «Северо-западных железных дорог», где впервые выступил в качестве постановщика.

Важное место в театральной биографии Лихачева занимает руководство коллективами Посредрабиса (Посредническое бюро по найму работников искусств) в гастрольных поездках в Туркменистан (зимний сезон 1924–1925 гг.) и по Волге (1925 и 1926 гг.). В репертуар возглавляемых Б. С. Лихачевым коллективов входили написанные им исторические пьесы, например, «Гапон» и «Последние дни Николая II».

Мемориализация наследия историка в проекте Музейный центр «Дом А. А. Титова». Первые шаги и перспективы

Концепция создания Музейного центра «Дом А. А. Титова» была выдвинута в 2021 г. как проект Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». Купец, историк и археограф Андрей Александрович Титов (1844–1911) был инициатором и одним из основателей музея в Ростовском кремле (1883). Как самостоятельный историк и крупнейший собиратель рукописей Титов пользовался авторитетом среди профессионального сообщества ученых. Близкими были его научные связи и с Н. П. Лихачевым, с которым он состоял в переписке. Проект предполагает создание мемориального музея в родовом доме А. А. Титова, сохранившемся в Ростове Великом, где будет аккумулировано огромное историко-культурное наследие историка. К настоящему времени инициатива «Ростовского кремля», реализация которой, безусловно, потребует значительных финансовых ресурсов, не получила однозначной поддержки со стороны учредителя музея – Министерства культуры РФ. Вместе с тем, эта инициатива, поддержанная городским сообществом Ростова Великого, представителями широкой культурной и научной общественности и руководством Ярославского региона, продолжает развиваться на основах земского движения. В докладе содержится анализ начального этапа и намечаются перспективы развития проекта по мемориализации имени и наследия А. А. Титова.

Сологубова Мария Вячеславовна

Вавилонская лазуритовая печать из коллекции Н. П. Лихачева

Вавилонская цилиндрическая печать из собрания Отдела Востока Государственного Эрмитажа, ранее была частью коллекции переднеазиатских древностей Н. П. Лихачева. Печать относится к старовавилонскому периоду (XX–XVI вв. до н.э.) и сделана из лазурита.

В 3–2 тыс. до н.э. лазурит попадал в Месопотамию из афганского Бадахшана через Иран или регион долины Инда, преимущественно морским путем. На шумерском языке лазурит обозначается термином NA4.ZA.GÌN, аккадским эквивалентом является термин uqnû.

Среди всех драгоценных и полудрагоценных камней в древней Месопотамии лазурит обладал особой ценностью не только в отношении его стоимости как товара, но и того значения, которым камень наделялся в культурном контексте. Лазурит неизменно ассоциировался со сферой божественного, что подтверждается литературными и литургическими текстами.

Печати из лазурита в Месопотамии встречаются достаточно редко, самая ранняя датируется уже началом 3 тыс. до н.э. Экземпляры из лазурита составляют не более двух процентов от обширного корпуса старовавилонской глиптики, насчитывающего несколько тысяч предметов.

Изображение на эрмитажной печати достаточно стандартное – бог и богиня-заступница, обращенные лицами друг к другу. Однако надпись не является распространенной. Стандартная легенда на старовавилонской печати состоит из имени, патронима и иногда указывает на профессию владельца. Надпись на печати ДВ-15754 составлена на шумерском языке и содержит эпитет божества – бога Адада: «Адад, сын Ана, герой великий неба и земли».

Срединская Наталия Брониславовна

Акты Северной Италии X–XIV вв. Освоение наследия Н. П. Лихачева

Исследователи неоднократно подчеркивали особое место, которое занимает в собрании Н. П. Лихачева средневековый актовый материал, происходящий из Северной Италии. Традиция издания актов средневековой Италии из собрания ученого и «коллекционера сказочного размаха», как называли Н. П. Лихачева современники, сложилась в Институте истории Академии наук начиная с 30-х гг. XX в. Это «Акты Кремоны X–XIII вв.» 1937 г. издания, в 1961 и в 1965 гг. вышли «Акты Кремоны XIII–XVI вв.» и «Итальянские коммуны XIV–XV вв.», в 1987 – «Акты Падуи XIII–XIV вв.».

Продолжением этой традиции стала публикация «Акты Феррары XII–XV веков. Из архивов Санкт-Петербурга и Модены». В сообщении предполагается рассмотреть освоение этой части богатейшего наследия Н. П. Лихачева.

Отличие и достоинство комплекса актов Феррары определены кругом деятельности фондообразователя. Это ростовщичество и извлечение доходов от сделок с землей, вследствие чего в сборнике присутствуют виды договоров, не встречавшиеся в других публикациях собрания Н. П. Лихачева: договоры займа, акты обращения взыскания на имущество несостоятельного должника, узус (специфически феррарский вид земельного держания) и др. Это обусловило необходимость составления описаний феррарских актов с наибольшей полнотой, с указанием всех особенностей формуляра документов. Значительная часть актов опубликована полностью, что дает возможность их использования для самого широкого круга исследователей. Публикация может стать основой дальнейших исследований источниковедов, медиевистов, филологов и историков права.

Степанова Елена Владимировна

Группа свинцовых товарных пломб II–VI вв. из коллекции Н. П. Лихачева

В 2023 г. из Отдела нумизматики в Отдел Востока Государственного Эрмитажа была передана большая группа свинцовых пломб (72 предмета), происходящих из коллекции Н. П. Лихачева. Они датируются первыми веками нашей эры и являются прототипами византийских моливдовулов, чье оформление и предназначение окончательно сложились к VI в. Этими пломбами опечатывались либо тюки с товарами (на некоторых экземплярах сохранились следы мешковины), либо документы, их сопровождавшие. В основном, это односторонние печати конусовидной (или приближающейся к ней) формы. На основании пломб помещали либо надписи, либо монограммы, но в подавляющем большинстве это – изображения отдельных персонажей, в том числе императоров, античные и христианские сюжеты. Иконографический репертуар на пломбах очень разнообразен, что отражало реалии этого переходного периода. С одной стороны, это традиционные для античности изображения либо голов в профиль, либо богов и богинь, либо жанровые сцены; с другой – христианские сюжеты, например, Поклонение волхвов.

Фомина Юлия Борисовна

Коллекция автографов из русской части собрания Н. П. Лихачева. Формирование, состав, описание

В России на протяжении всего XIX в. возрастает интерес к коллекционированию рукописей, в том числе, и к собиранию автографов известных людей. В Русской секции Архива СПбИИ РАН хранится собрание Н. П. Лихачева, в котором наряду с другими историческими документами находится коллекция автографов XVIII – начала XX века. В шестнадцати картонах содержится около полутора тысяч документов с собственноручными подписями исторических деятелей, имевших отношение к России (членов императорской фамилии, политиков, ученых, писателей, художников и др.). Помимо атрибутированных автографов в коллекции существует часть, где авторство документов еще не определено.

Вошедшие в коллекцию автографы приобретались Н. П. Лихачевым в России и за рубежом на аукционах, у антикваров и частных лиц в виде отдельных документов и в составе целых собраний. Собираанию автографов он уделял особое внимание, но точные сведения, в каком порядке они хранились и о намерении выделить их в отдельную коллекцию, отсутствуют.

В начале 1930-х годов, когда собрание Н. П. Лихачева было передано в МКДП, а потом в ИКДП, часть автографов была выделена в самостоятельный подраздел. После включения материалов собрания Н. П. Лихачева в состав Архива ЛОИИ в 1936 г., начался их разбор, описание, выделение отдельных фондов и коллекций, в том числе сформировалась и коллекция автографов. К отобраным еще в ИКДП документам добавили материалы из бумаг разных помещиков собрания Н. П. Лихачева и «старых дел» Соляной конторы. После войны была сделана выстроенная в алфавитном порядке карточная опись коллекции автографов, где кратко указаны персоналии, вид документа, дата и пр. Позднее в нее вносились дополнения, уточнения или изменения. К концу 1950-х годов коллекция существенно увеличилась и приобрела почти современный вид, оставаясь почти в том же составе и в XXI веке.

Менялся порядок расположения автографов, несколько раз происходило перешифрование, в нее добавлялись единичные документы.

Современная коллекция автографов была сформирована сотрудниками ЛОИИ из хранящихся в Архиве материалах русской части собрания Н. П. Лихачева, отображая их видение и подходы к систематизации архивных коллекций.

Чиркова Александра Викторовна

**Письмо А. И. Шарлеманя 1857 г. из коллекции автографов Н. П. Лихачева.
Возможно ли использовать фотографию в академической живописи?**

Документ был приобретен Н. П. Лихачевым в составе семейного архива Шарлеманей (Архив СПБНИИ РАН. Ф. 238. Оп. 2. Картоны 121, 121а, 122), заметная часть которого представляет собой письма художника-академиста Адольфа Иосифовича Бодэ-Шарлеманя (1826–1901), написанные во время его заграничной поездки 1856–1861 гг. к его отцу – петербургскому архитектору Иосифу Ивановичу Шарлеманю (1782–1861). Во время поездки были созданы полотна «Торжественный прием Суворова в Милане» и «Последний ночлег Суворова в Швейцарии» (Гатчинский музей-заповедник), одно из которых принесло автору в 1859 г. звание академика. Письмо 18 апреля / 12 мая 1857 г. написано в Мюнхене (Карт. 121, № 18) и любопытно тем, что показывает сразу нескольких сфер применения фотографии в первые десятилетия этого технического новшества.

И. И. Шарлеманя интересовало мнение Александра Евстафиевича Коцебу (1815–1889), с которым А. И. Шарлемань тесно общался в Мюнхене, относительно применения фотографии в работе над живописными полотнами. Передав мнение коллеги о том, что фотография может быть применима только в работах небольшого формата, поскольку передает достоверно лишь контур объекта, А. И. Шарлемань описал практику применения фотографии для построения композиции, которую по рассказам, использовал парижский художник Эрнест Мейссонье (1815–1891). Так же он описал методы работы пожилого фотографа, с которым делил в Мюнхене мастерскую, и предположил, что в будущем воспользуется его трудами для построения композиции и проработки задних планов. Особую надежду он выражал на возможность фиксации с помощью фотографии фигур в движении, что позволило бы добиться большей реалистичности в живописи при копировании отдельных элементов будущей картины с фотографий. А. И. Шарлемань так же описывает качество работ Йозефа Альберта (1825–1886), придворного фотографа Людовика I Баварского, и мастера панорамной съемки Якоба Августа Лорента (1813–1884), сообщая о реакции мюнхенских художников на фотопортреты семьи Шарлеманей, сделанные в Петербурге Сергеем Львовичем Левицким (1819–1898). Автор выражает свой скепсис по поводу новой парижской моды использовать фотографии в качестве визитных карточек и описывает качество и цены на деревянные резные рамки для фотопортретов, заказанные им в Мюнхене. Из других писем А. И. Шарлеманя известно, что он регулярно посылал родителям любительские снимки из своей мастерской как доказательство своего доброго здоровья и для иллюстрации условий и этапов своей работы.

Шалахов Евгений Геннадьевич

**Памятник енисейской письменности на Средней Волге:
археологическое «прочтение» руники, открытой в Юрине**

Первое описание находки камня с рунической надписью из Юрина сделал казанский учёный М. Усманов: предмет имеет форму неправильного овала размером 11×12 см, надпись из 8 знаков имеется лишь на одной стороне (Акшиков А. Г. Новая расшифровка рунической надписи на камне, обнаруженном в п. Юрино Марийской АССР в 1958 году // Финно-угроведение. 2012. № 1. С. 54–58). Знаток и исследователь древнетюркской письменности Э. Р. Тенишев считал, что текст, процарапанный на плитке песчаника «напоминает афоризм, крылатое слово – крупицу мудрости, достойную увековечения на камне» (Тенишев Э. Р. Камень с рунической надписью из Юрьева (Марийская АССР) // Лингвистический сборник. Ташкент, 1971. С. 21–23). Историк из Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева А. Г. Акшиков предложил свой вариант расшифровки руники из Юрина: «здесь (то есть там, где находился камень с

надписью, а, возможно, и в окрестностях вокруг него) *совершенно* (абсолютно, ни при каких обстоятельствах) *жить* (поселяться) *нельзя*» (Акшиков А. Г. Цит. соч. С. 56, табл. 1).

Долгое время находка как межевой знак эпохи средневековья хранилась в фондах Музея национальной культуры при Национальном культурном центре «Казань». Вероятно, в Волго-Ветлужском междуречье существовал болгарский пограничный форпост с гарнизоном, в составе которого были аскизские воины-всадники – «обосновавшиеся в Восточной Европе южносибирские федераты», нанятые на службу эльтеберами-эмирами Волжской Булгарии в первой половине XI века (Кызласов И. Л. Новое в жизни Восточной Европы в XI–XII веках. (Влияние Великого Сибирского пути, открытое археологией) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 228–250).

До находки в Юрине самым западным пунктом древнехакасской разновидности рунического письма считалась долина р. Илек в Актюбинской области (Казахстан). Речь идёт о находке металлического зеркала с процарапанной надписью, сделанной «почти на Южном Урале» (Кызласов И. Л. Рунические письмена Сибири. Рассказы археолога. М.; Абакан, 2021. С. 58).

Шелестин Владимир Юрьевич

Пути анатолийских клинописных памятников из коллекции Н. П. Лихачёва

В коллекции клинописных памятников Н. П. Лихачёва особое место занимали памятники из Анатолии – они включали как аналогичные представленным в других отечественных коллекциях староассирийские письма, так и уникальное собрание хеттских табличек, в том числе фрагмент хетто-египетского договора Хаттусили III и Рамсеса II. Ныне эта коллекция разделена между Государственным Эрмитажем и ГМИИ им. А. С. Пушкина. Среди отечественных клинописных собраний рубежа XIX–XX вв. коллекция Н. П. Лихачёва отличается высокой степенью документированности провенанса, что ценно для исследователей этих письменных памятников. Интерес Н. П. Лихачёва к клинописным памятникам Анатолии задокументирован с начала 1890-х гг., когда он не вполне удачно попытался вывезти клинописные артефакты, купленные у константинопольского антиквара К. Келекяна. Дальнейшие поступления клинописных памятников из Малой Азии в его коллекцию связаны с покупками у парижских антикваров, в первую очередь, Э. Жежу и братьев Инджуджан, продолжавшимися до 1914 г. Для антикваров, торговавших клинописными артефактами, было характерно весьма приблизительное описание предлагаемых лотов, а сами лоты могли включать несколько сотен однородных табличек, продаваемых по весу, что затрудняет идентификацию отдельных из них. В докладе на основе работы с документами Н. П. Лихачёва, отложившимися в его фонде 246 в СПбФ АРАН, уточняется провенанс клинописных памятников из Малой Азии в этой коллекции, выявляется значение этого собрания в кругу аналогичных (вроде коллекции В. С. Голенищева).

Шишкин Владимир Владимирович

Автографы Анны Австрийской в российских собраниях

В докладе рассматриваются три документа, подписанные и написанные лично королевой Франции Анной Австрийской (1601–1666), супругой Людовика XIII и матерью Людовика XIV, которые хранятся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (в составе коллекции Н. П. Лихачева), и в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве. В первом случае речь идет о приказе Анны Австрийской в отношении охраны городских ворот Парижа в сентябре 1636 г. во время франко-испанского противостояния в рамках Тридцатилетней войны; во втором – об ее официальном послании маршалу де Ламберу, губернатору пограничной крепости Меца, с требованием поддержания военного и административного порядка в связи со смертью Людовика XIII и воцарением короля-ребенка. Третье из писем, написанное королевой собственноручно и носящее приватный характер, представляет собой просьбу к Великому герцогу Тосканскому Фердинанду II Медичи повлиять на одного из его подданных-флорентийцев, Луку Фаброни, чтобы он продал ей драгоценности Марии Медичи, оказавшиеся в его руках. Все три автографа представляют собой историческую ценность и служат важной иллюстрацией социально-политических событий во Франции первой половины XVII в.

Юхименко Елена Михайловна

Образ преподобного Сергия Радонежского – памятная икона на рождение старшего сына Н. П. Лихачева

Доклад посвящен обнаруженной в частном собрании иконе «Преподобный Сергий Радонежский», выполненной в 1895 г. известным иконописцем М. И. Дикаревым по заказу Н. П. Лихачева по случаю рождения его старшего сына Сергея. Данный памятник впервые вводится в научный оборот, дается его источниковедческая и искусствоведческая характеристика. Устанавливается образец, с которого было выполнено ростовое изображение преподобного Сергия – средник монументальной житийной иконы, находящейся в Покровском соборе на Рогожском старообрядческом кладбище и датируемой первой половиной – третьей четвертью XVII в. (публиковалась в альбомах 1899, 1913 и 2005 гг.). Выбор иконы для копирования был обусловлен не только необходимыми пропорциями для мерной иконы, но и авторитетностью образца, его принадлежностью к строгановским письмам (как считалось на момент написания списка), которые высоко ценили старообрядцы на протяжении XVIII–XIX вв. и коллекционеры второй половины XIX в., в том числе и заказчик иконы Н. П. Лихачев.

В выборе признанного мастера своего времени М. И. Дикарева в качестве исполнителя заказа проявились эстетические предпочтения Н. П. Лихачева и его близость к старообрядческим кругам. Ученый был женат на Наталье Геннадьевне Карповой (1873–1957), внучке мануфактур-советника, московского 1-й гильдии купца и фабриканта Тимофея Саввича Морозова (1823–1889), одного из «столпов» рогожского старообрядчества. Со старообрядческой общиной Рогожского кладбища был тесно связан и М. И. Дикарев.